

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
АССАМБЛЕЯ

СОВЕТ
БЕЗОПАСНОСТИ

Distr.
GENERAL

A/32/132

S/12356

5 July 1977

RUSSIAN

ORIGINAL: ENGLISH

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ
Тридцать вторая сессия
Пункты 30 и 57 первоначального
перечня *
ВОПРОС О ПАЛЕСТИНЕ
ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗАТРАГИВАЮЩИХ
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ДЕЙСТВИЙ ИЗРАИЛЯ
В ОТНОШЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННЫХ
ТЕРРИТОРИЙ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ
Тридцать второй год

Письмо Постоянного представителя Судана при Организации
Объединенных Наций от 30 июня 1977 года на имя Генерального
секретаря

Имею честь настоящим препроводить текст статьи, озаглавленной
"Израиль пытается арабских заключенных", и связанную с ней редакцион-
ную статью, которые появились в газете "Санди Таймс" от 19 июня
1977 года, с просьбой распространить их в качестве официального доку-
мента Генеральной Ассамблеи по пунктам 30 и 57 первоначального переч-
ня, а также Совета Безопасности.

Я был бы весьма признателен, если бы данный вопрос был доведен
до сведения Председателя Совета Безопасности.

Мустафа МЕДАНИ
Постоянный представитель Судана
Председатель Группы арабских
государств

* A/32/50/Rev.1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Статья, опубликованная 19 июня 1977 года в газете
"Санди Таймс" (Лондон)

ИЗРАИЛЬ ПЫТАЕТ АРАБСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Специальное расследование, проведенное группой "Инсайт"

Израильяне, производящие допрос, как правило, жестоко обращаются с арабскими заключенными и часто прибегают к их пыткам.

Этот основной вывод получен в результате пятимесячного расследования, проведенного на оккупированных Израилем Западном берегу и в Газе. Используемые методы различны. Часто имеют место лишь продолжительные избиения — что могло бы означать, что имеются просто несколько "грубых полицейских", нарушающих приказы.

Группа "Инсайт" располагает, однако, фактами, свидетельствующими о методах, которые далеко выходят за эти рамки, и безусловно относят практику Израиля к области пыток. На заключенных часто одевают капюшоны или им завязывают глаза или в течение долгого времени их подвешивают за запястья. Многие подвергаются половому насилию. Другие — пыткам электрическим шоком. По крайней мере, в одном центре заключения имеется (или имелся) специально сооруженный "шкаф" площадью около двух квадратных футов и высотой пять футов с бетонными шипами в полу.

В этом участвуют все разведывательные службы Израиля, и неправдоподобно, чтобы об этих методах знали лишь лица, производящие допрос.

Пытки применяются иногда с целью получения информации, а кроме того они, очевидно, содействуют умиротворению оккупированных территорий. Однако одной из их главных целей является попытка подтвердить утверждения Израиля о том, что он управляет Западным берегом и

"Расследование группы "Инсайт" — Группа "Инсайт" на территориях, оккупированных Израилем, провела тщательное расследование заявлений арабов и официальных опровержений Израиля в связи с применением пыток. Она, в частности, заключает: "Пытки арабских заключенных настолько распространены и систематичны, что от них нельзя отмахнуться, заявив, что это дело рук "грубых полицейских", нарушающих приказы. По-видимому, они санкционируются в качестве преднамеренной политики".

Газой в условиях соблюдения законов. Израильяне утверждают, что арабы, обвиняемые в "нарушение безопасности", должным образом привлекаются к судебной ответственности. Тем не менее они часто осуждаются на основании своих признаний, и наше расследование свидетельствует о том, что многие из этих признаний получены с помощью жестокого обращения вплоть до пыток.

Израиль последовательно отрицал обвинения в жестоким обращении и применении пыток. Девять дней назад Габриэль Падон, советник по печати при посольстве Израиля в Лондоне, заявил в радиопередаче Би-Би-Си "Мир в час дня":

"Каждый случай предполагаемого применения пыток или жестокого обращения весьма тщательно расследуется полицией и судебными органами... Некоторые случаи имели место, когда было установлено, что полиция производила допросы с излишним рвением..."

Израиль является страной, где господствует закон. Процессуальные действия соответствуют тем, которые применяются в Великобритании при проведении допросов. Обвинения в применении пыток, прижигания, электрошока и т.д. ни в коей мере не соответствуют истине. Это - весьма удачный пропагандистский прием и ничего более".

Группа "Инсайт" провела опрос 44 арабов, которые утверждают, что они подвергались жестокому обращению или пыткам. Большинство из них по-прежнему живут в оккупированных районах и некоторые из них готовы, чтобы их назвали. Мы располагаем записанной пленкой, 110 000 слов свидетельских показаний, и во всех случаях, когда это было возможно, мы добывали подтверждения дополнительными фактами. Вследствие того, что выводы противоречат официальным опровержениям, в этом выпуске газеты "Санди Таймс" доказательства изложены довольно подробно. Доклад начинается на странице 17.

Практика, изучением которой мы занимались, наблюдалась на протяжении 10 лет оккупации Израиля; наши данные охватывают этот период, причем последний этап относится к декабрю 1976 года. Нет оснований полагать, что эта практика прекратилась: обвинения продолжают поступать.

Сегодня назначенный премьер-министром Менахен Бегин подписывает соглашение о коалиции с двумя религиозными партиями, завершая месяц острых политических споров в отношении формирования первого за 29 лет существования Израиля как государства правительства, возглавляемого партией Ликуд.

Бегин (63 года) проинформирует затем президента Эфраима Кацира об успешном завершении усилий по формированию правительства на неделю раньше срока. В понедельник он будет стремиться получить вотум доверия в кнессете (парламенте).

Рано утром 24 февраля этого года на мосту Алленби, главном пункте перехода из оккупированного Израилем Западного берега на Восточный берег Иордана, состоялась передача.

Джип армии Израиля подъехал к центру моста и остановился. Из него вышло несколько израильских солдат, а за ними представитель Международного Красного Креста из Иерусалима, молодой швейцарец по имени Бернард Мюнгер. Вместе они помогли выйти из джипа обессиленному человеку и положили его на носилки. Его имя было Омар Абдель-Карим. Он был палестинским плотником из деревни Бейт-Сахур, расположенной чуть ниже Бетлехема. Ему было 35 лет, но выглядел он стариком.

На иорданской стороне моста Абдель-Карима ожидала небольшая группа лиц. В нее входили его брат, офицер связи иорданской армии и Жан Курвуазье, глава представительства Международного Красного Креста в столице Иордании Аммане. Люди из Красного Креста, Курвуазье и Мюнгер подняли носилки и отнесли их к скорой помощи иорданского Красного Полумесяца (который действует в Иордании во взаимодействии с Международным Красным Крестом).

Когда Мюнгер возвращался к израильскому джипу, Абдель-Карим сделал слабую попытку помахать ему на прощанье. Когда один из военных спросил его имя, его губы едва шевелились. К огорчению его брата Абдель-Карим, по всей видимости, не узнал его. "Я думал, что он умирает", - сказал позднее друзьям Курвуазье.

Абдель-Карим не умер. В полдень он был доставлен в госпиталь имени короля Хуссейна в Салте, в 25 милях от моста по дороге в Амман. В записях, касающихся его предварительного обследования, было зафиксировано, что он был худым и слабым. Он жаловался на боли в груди и ему было трудно дышать. У него была инфекция мочевых путей. Он говорил об острых головных болях и проявил признаки головокружения. А затрудненность передвижения подтверждала его жалобы о том, что он испытывает также боли в суставах, в особенности в суставах ног. После этого рентгеноскопия грудной клетки показала, что ребра Абдель-Карима в нескольких местах были сломаны. Врач больницы указал также, что Абдель-Карим находился в состоянии повышенной нервной возбудимости и что он прописал успокаивающие средства.

Тем не менее Абдель-Карим по-прежнему сохранял признаки того, что он пережил тяжелую травму. Когда его жена Ниджми посетила его, он пристально посмотрел на нее. "Кто ты?", - спросил он. Прошло некоторое время, прежде чем появились признаки, что он ее вспомнил.

/...

С помощью антибиотиков, поливитаминов и диеты с повышенным содержанием белка Абдель-Карим медленно выздоровел, хотя спустя два месяца он все еще едва мог ходить.

Он был арестован, заявил Абдель-Карим, израильскими силами безопасности четыре месяца назад и был обвинен в принадлежности к фёдаинам, палестинскому движению сопротивления и террора. Затем, по его словам, его пытали. И пытки, как он рассказал, были столь жестокими, столь продолжительными, и прежде всего столь организованными и целеустремленными, что не оставляли сомнений, если его рассказ соответствует правде, что систематические пытки являются практикой Израиля.

Мы ожидали прибытия Абдель-Карима. Мы узнали о его деле в январе, в то время, когда он все еще находился под арестом в Израиле; и до его освобождения мы разговаривали с его женой, его адвокатом и мэром его деревни.

В течение пяти месяцев мы проводили расследование обвинений в систематических пытках Израилем арабских заключенных. Утверждения об этом поступали постоянно почти в течение десятилетия с момента первых недель израильской оккупации Западного берега и полосы Газы в результате победы Израиля в июне 1967 года. Организация Объединенных Наций, Амнистия и ряд отдельных лиц провели в разное время тщательное изучение доказательств и в различной степени выразили свое осуждение Израиля. Однако по существу все предыдущие расследования были уязвимы для критики, поскольку они проводились за пределами Израиля и оккупированных территорий без попыток проведения проверки на местах. Даже Специальный комитет Организации Объединенных Наций, орган, склонный к критике Израиля, признал свою неспособность "прийти к окончательному выводу, поскольку это будет возможно лишь после беспрепятственного расследования в оккупированных территориях".

В целях данного расследования группы "Инсайт" мы провели работу в пределах Западного берега и полосы Газы, заслушивая в этих районах заявления и проверяя рассказы и, в тех случаях, когда это было необходимо, направляясь в соседние арабские страны для дальнейшей проверки этих заявлений. Мы опросили 49 палестинских арабов, которые были арестованы силами безопасности Израиля. Почти все из них по-прежнему проживают на оккупированных территориях. 44 из них, приводя различные подробности, утверждали, что они подвергались пыткам.

В 22 случаях указанные арабы согласились, чтобы их имена были названы, даже несмотря на то, что они по-прежнему живут в условиях израильского военного режима. Делая наши выводы, мы уделили больше внимания этим случаям. В остальных случаях, когда палестинцы

просили не называть их имен, мы действовали с большой осторожностью, хотя в этих случаях также проявились характерные примеры. К числу наших выводов относятся:

1. Службы безопасности и разведывательные службы Израиля жестоко обращаются с арестованными арабами.

2. Некоторые из видов жестокого обращения просто примитивны: например, продолжительные избиения. Однако используются также более утонченные методы, включая пытки электрошоком и заключение в сооруженные особым образом тюремные камеры. Такой вид приспособлений в совокупности со степенью организации, проявляющейся в его применении, выходит за рамки просто жестокого обращения, практикуемого Израилем, и безусловно относит эту практику к категории пыток.

3. Пытки применяются по крайней мере в шести центрах: в тюрьмах четырех основных оккупированных городов Наблус, Рамаллах и Хеброн на Западном берегу и Газа на юге; в центре заключения в Иерусалиме, известном как "Русский блок"; и в специальном центре военной разведки, расположение которого точно неизвестно, однако согласно свидетельских показаний в отношении него предполагается, что он находится где-то на территории огромной военной базы снабжения в Сарафанде, недалеко от аэропорта Лод на дороге Иерусалим - Тель-Авив. Имеется также ряд фактов, свидетельствующих о том, что по крайней мере на временной основе, где-то недалеко от Газы, существовал второй такой лагерь.

4. С практикой применения пыток связаны все службы безопасности Израиля: Шин Бет, приблизительно М-15 Израиля, и Специальная служба, сведенные воедино, которая подотчетна канцелярии премьер-министра; военная разведка, которая подотчетна министру обороны; пограничная полиция; и Латам, "Департамент для выполнения заданий специального назначения" Израиля, оба из которых подотчетны министру полиции.

5. Применение пыток организовано столь методично, что от этого нельзя отмахнуться, заявив, что это дело кучки "грубых полицейских", превышающих приказы. Они применяются систематически. По-видимому, они санкционированы на определенном уровне в качестве преднамеренной политики.

6. По всей вероятности, пытки применяются в трех целях: первая, безусловно, заключается в получении информации. Вторая причина, которая представляется по меньшей мере столь же распространенной, заключается в том, чтобы склонить людей признаться в совершении преступлений против "безопасности", в которых они могут или не могут быть повинны. Полученные признания используются затем в качестве основного доказательства в суде: Израиль подчеркивает тот факт,

A/32/132
S/12356
Russian
Annex
Page 6

что в его тюрьмах находится незначительное число заключенных, лишь те лица, которые были должным образом осуждены в соответствии с законом. Третья цель, по-видимому, заключается в том, чтобы убедить арабов на оккупированных территориях, что вести себя покорно - наименее опасный вид поведения.

Поэтому 22 араба, которых мы называем по имени, вероятно, подвергаются риску со стороны Израиля. Эти 22 человека знали это и пошли на это. Мы не видим иного способа защитить их, как с помощью гласности и поэтому публикуем в качестве добавления к этому отчету их имена и родные города.

/...

Проблемы, связанные с проверкой

Дело Омара Абдель-Карима, человека, переданного на мосту Алленби, типично по двум причинам. Его утверждения мало соотносятся с утверждениями в десятках предыдущих случаев. И трудности, связанные с проверкой его заявлений, как мы покажем, также аналогичны. Во-первых, его рассказ, записанный на пленку в течение восьми часов расспрашивания в середине апреля. Слова "он говорит" следует мысленно добавить к каждому последующему утверждению:

Омар Абдель-Карим был арестован 3 октября 1976 года в тот момент, когда он двигался по мосту Алленби в восточном направлении с целью повидаться с женой своего брата в Аммане. Его на автомашине доставили в "Русский блок", известный арабам как "Москобия" — центр заключения и допросов в Иерусалиме, в котором размещаются Шин Бет и Латам, а также время от времени пограничная полиция.

Среди допрашивавших его в тот же вечер лиц были двое, которых, как он узнал, звали "Эди" и "Орли". Они обвинили его в принадлежности к фedaинам. Когда он отверг это обвинение, они били его по ступням ног. Позднее в течение около 15 минут его подвешивали за запястья. Затем его отправили в камеру в главном блоке тюрьмы в Москобии. Его ноги распухли; он прополз в камеру.

Он пробыл в Москобии семь дней. В ходе допросов, состоявшихся позднее, он лежал на полу лицом вниз и, в то время, как один человек стоял на его ногах, другой оттягивал его руки назад. В другой раз сквозь его наручники был вставлен клин, что приводило к прекращению подачи крови в руки. Он по-прежнему отрицал связь с фedaинами.

Через неделю он был перевезен в крытом грузовике в другое место, как он думал, в Сарафанд. До сих пор обращение с ним можно было квалифицировать скорее как "жестокость", чем пытки. Однако новый центр был более целенаправленным. За исключением периода допросов на него постоянно набрасывали черный холщевый мешок. К делу приступили новые допрашивающие, хотя Орли также был там.

Теперь использовалось электричество. Два тонких черных провода были прикреплены к Абдель-Кариму лейкопластырем. Они шли к черному ящику, вероятно трансформатору, а исходящий из него толстый белый провод был воткнут в розетку. Кнопка на ящике включала ток. "У меня было такое ощущение, как будто дробят мои кости", — говорил Абдель-Карим. "Наиболее болезненным было подсоединение проводов к половым железам. Когда применялся ток, я чувствовал его сквозь все тело. После того, как применение тока прекращалось, я чувствовал боль во всех суставах. Каждая мышца болела, и я чувствовал, что мои нервы истощены".

Абдель-Карим говорит, что электричество применялось во время "восьми или девяти" сеансов. Однако, по его словам, он продолжал настаивать на своей невинности. Через 11 дней его вновь перевели на этот раз в тюрьму в Хеброне на Западном берегу.

Эди и Орли были по-прежнему с ним и, кроме того, к ним присоединились новые допрашивающие. В первый день его пребывания в Хеброне один человек по имени "Уци" ударил его ногой в лицо; когда кровь из носа Абдель-Карима запачкала его ботинок, Уци заставил его ее слизать.

Абдель-Карим вспоминает этот ботинок: "Толстый, с сеткой на подошвах, как у "командос".

Он говорит также, что одного из допрашивавших звали Абу Газал, человек с "алеппской розой" на щеке, характерным для Ближнего Востока образованием оспин. Абу Газал таскал его за волосы по комнате и, когда он их вырвал, заставил его их есть. "Они забили мне все горло. Меня тошнило". Затем он вынужден был выпить соленой воды. В конце допроса Абу Газал и второй допрашивающий загнали Абдель-Кариму бутылку в заднепроходное отверстие.

Это было в первый день. Он говорит, что во второй день его вновь подвешивали за запястья на блок и избивали. "Я почувствовал, что что-то сломалось в моей груди ... Затем я потерял сознание. Когда я пришел в себя, я находился на полу и они обливали мне лицо водой".

На третий или четвертый день Орли доставил в тюрьму жену Абдель-Карима Ницжми. "Когда она увидела меня в таком состоянии, она закричала. Орли схватил ее за волосы. Он начал бить ее по лицу, пока из ее носа и рта не пошла кровь ...". Абдель-Карим заявил, что он готов к признанию.

"Орли сказал: "Теперь мы друзья". Он достал сигарету и протянул ее мне. Я взял сигарету и закурил, а он сказал: "Теперь говори". Так я был вынужден начать говорить неправду. Мне было нечего сказать, и я должен был спасти свою жену. Я сказал, что у меня есть бомбы и что я спрятал их в туалете. Когда я это сказал, моя жена заявила: "Нет, это я их туда положила". В действительности мы ничего не сделали, однако она сказала, что сделала это, для того чтобы спасти меня, а я - для того чтобы спасти ее".

Абдель-Карима вновь доставили в его дом в Бейт-Сахуре, где мусороуборочные машины очистили помойную яму около его дома. Они ничего не обнаружили. Когда стало ясно, что он сказал неправду, Эди несколько раз ударил Абдель-Карима головой о шершавую стену. При этом выпали кусочки штукатурки, и Орли велел ему проглотить их, что он и сделал.

"Если бы за мной что-либо было, я бы вам это сказал", — повторял Абдель-Карим допрашивавшим его лицам. Они не верили ему. Его держали под холодным душем, втискивали в бочку с ледяной водой и вновь подвешивали за запястья, в то время как допрашивавший его Орли сдавливал ему половые органы. "Разуму непостижимо, как это больно. Это было настолько больно, что заставило меня забыть о любой другой боли".

Последним видом насилия, как вспоминает Абдель-Карим, было то, что его заперли в маленькой камере, в которую через глазок в двери тонкой струйкой поступал какой-то газ. "Я безостановочно кашлял. У меня потекло из глаз и носа. Весь мир начал кружиться". Он вспоминает "кусочек стекла, похожий на палец", который был в конце концов вставлен в каждую ноздрю, чтобы облегчить ему дыхание.

С этого момента воспоминания Абдель-Карима носят сбивчивый и отрывочный характер. Мы установили, что к концу ноября, например, он провел неделю в главном тюремном госпитале Израиля в Рамлехе. Он говорит, что не помнит этого. Затем 12 декабря, как рассказывает его жена Ниджми, она и их 12-летний сын посетили его вновь в Хеброне, и он не узнал мальчика. Он говорит, что также не помнит этого эпизода. Приблизительно в это время израильтяне доставили его на границу с Иорданией; однако иорданцы отказались принять его, поскольку не было соответствующей договоренности. Абдель-Карим говорит, что он едва помнит что-то подобное. О своей конечной поездке в Салт в феврале при посредничестве Международного Красного Креста он помнит весьма слабо.

ЭТА ИСТОРИЯ УЖАСНА, но насколько она правдива? Что касается пыток, то существует лишь две стороны: тот, кто пытается, и жертва. Как заявило международное движение за амнистию: "Конфронтация между отдельным лицом и неограниченной властью государства ... имеет место в самых темных закоулках политической власти". Не располагая признанием лиц, применявших пытки, мы должны стремиться к другому: к проверке дополнительными фактами подробностей, поддающихся проверке; и к сопоставлению сообщений в тех случаях, когда противоречие можно устранить. Согласно таким проверкам, история Абдель-Карима заслуживает доверия.

Как мы говорили, мы узнали о его деле даже до его освобождения. Беседы объективного характера, которые мы провели в то время, в определенной мере подтверждают его рассказ.

За шесть недель до освобождения Абдель-Карима его жена Ниджми рассказала нам в интервью в Бейт-Сахуре, как она была арестована и доставлена в тюрьму Хеброна. Она заявила, что ее и ее мужа избили в присутствии друг друга. Ее били по лицу и вырывали волосы. Ей показалось, что ее мужа "жестоко избили по лицу и его глаза опухли.

На задней стороне его рук и на его лице имелись ожоги, как будто нанесенные железом или огнем электрического происхождения". (Позднее Абдель-Карим показал нам среди прочих отметин на своем теле небольшой шрам на задней стороне его правого запястья. Он сказал, что причиной этому явилось применение непропущенного через трансформатор электрического тока в Хеброне. "Они прикрепили ко мне провода, а затем воткнули вилку непосредственно в розетку. Меня тут же отбросило, и им пришлось вновь присоединять вилку. От моей руки пошли искры. Другие приспособления не вызвали искр".)

Другие интервью способствовали подтверждению рассказа Абдель-Карима. 14 ноября его адвокат Фелиция Лангер и ее служащий Абдель-Асали посетили Абделя-Карима в тюрьме Хеброна. Впоследствии Лангер написала отчет об этом визите:

Когда его доставили ко мне, его поддерживали другие заключенные, поскольку он не мог идти сам ... Он выглядел очень плохо, и его лицо было абсолютно желтым ... Он постоянно показывал на свои ребра, заявляя, что он не может выдыхать. Один из заключенных сказал нам, что его ребра сломали во время допроса ... Омар рассказал нам, что его пытали электричеством, и, когда он об этом говорил, он стал ужасно дрожать ... Кажется, что его тело охвачено судорогой ... Он не знал своего возраста, места рождения, адреса или есть ли у него дети. Лишь однажды во время нашего визита он упомянул о том, что его жена была избита в его присутствии, однако затем он прекратил говорить об этом. Нам казалось, что он находится в ином мире.

Во время другой беседы за шесть недель до освобождения Абдель-Карима служащий Лангер Асали подтвердил ее отчет, добавив, что они видели, как Абдель-Карим внезапно засмеялся и стал целовать тюремного охранника. "Он сказал, что охранник был единственным, кто не пытал его ... " (Асали не упомянул об имевшихся у Абдель-Карима ожогах, однако он утверждал, что видел "голубые и красные отметины, похожие на кровь, около его уха".) В середине января, также за шесть недель до его освобождения, мы также беседовали с мэром деревни, где проживал Абдель-Карим, Ханна аль-Атраш. Тогда он рассказал нам, как израильтяне в течение нескольких дней осушали сточные ямы вокруг дома Абдель-Карима. Его рассказ об этом эпизоде в целом согласуется с историей, рассказанной нам позднее Абдель-Каримом, который не мог никоим образом с ним сговориться.

Мэр рассказал нам также, что в конце ноября, узнав от Фелиции Лангер о состоянии Абдель-Карима, он посетил израильского военного коменданта района Бетлехем: "Он сказал, что не верит в эту историю, однако проверит, в чем дело". Позднее он сообщил мэру о том, что Абдель-Карим был переведен в тюремный госпиталь.

Кроме того, мэр связался с Международным Красным Крестом в Иерусалиме: "Я попросил их проверить обвинения. Позднее представитель Красного Креста Бернард Мюнгер подтвердил мне, что они соответствуют истине. Он полностью подтвердил письмо Фелиции Лангер".

Как правило, Красный Крест никогда публично не высказывается в отношении конкретных дел. Главный представитель Красного Креста в Иерусалиме Альфредо Витши заявил, что он не может подтвердить или отрицать заявление мэра. Он сказал: "Мы представляем доклады властям и обращаемся с просьбой о принятии мер". Аналогичным образом в Аммане Жан Курвуазье подтвердил лишь, что он встретил Абдель-Карима на мосту Алленби.

Тем не менее, мы установили, что представитель Красного Креста в Иерусалиме Мюнгер впервые получил доступ к Абдель-Кариму в конце ноября, приблизительно через 55 дней после его ареста. Приблизительно в то время и, вероятно, в результате вмешательства Мюнгера Абдель-Карим был переведен в тюремный госпиталь Рамлех. Ему была сделана рентгеноскопия, однако через неделю он был вновь доставлен в Хеброн. Учитывая его состояние в более поздний период, которое Мюнгер описал врачам в Аммане как "плачевное" и о котором свидетельствуют медицинские записи, сделанные в Салте, это представляется странным решением. Неудивительно, что Абдель-Карим с любовью вспоминает о Мюнгере, непрерывные усилия которого, в конечном счете, способствовали его освобождению. "Он спас мне жизнь", - говорит Абдель-Карим.

* * *

Арабы под израильским управлением

ОКОЛО 1,7 МИЛЛИОНА арабов живут под израильским управлением. Пол-миллиона арабов живут в пределах границ, существовавших до 1967 го-да, и являются израильскими гражданами. Остальные 1,2 миллиона арабов живут в районах, оккупированных Израилем в течение шести-дневной войны 1967 года, - 800 000 арабов в Восточном Иерусалиме и на Западном берегу (ранее часть Иордании) и 400 000 арабов в рай-оне Газы (ранее управлявшемся Египтом). Небольшое число арабов живет также на Голанских высотах, захваченных у Сирии.

Израиль аннексировал Восточный Иерусалим под предлогом "вос-соединения" разделенного города. Западный берег и сектор Газы уп-равляются военными губернаторами, а основные направления политики определяются министерством обороны Израиля, которое, например, санк-ционировало создание около 80 еврейских поселений в оккупированных районах.

До некоторой степени разрешена нормальная гражданская жизнь: выпускаются арабские газеты (хотя и под надзором цензуры), и в прошлом году на Западном берегу были проведены муниципальные вы-боры. За исключением этого политические организации и политичес-кая деятельность запрещены.

Местное правосудие осуществляется палестинскими арабскими чи-новниками, которые применяют иорданское право на Западном берегу и британское мандатное право в районе Газы. (Такая же правовая система применялась там Египтом с 1949 по 1967 год.)

Однако все "нарушения, угрожающие безопасности" рассмат́ривают-ся военными судами, состоящими из израильских судей и судебных чи-новников. В большинстве жалоб о применении пыток и плохом обра-щении говорится о пограничной полиции и сотрудниках израильской разведки, которые арестовывают и допрашивают подозреваемых в нару-шении безопасности до того, как они предстанут перед военным су-дом.

Член организации фёдаинов

ОДНАКО, ЕСЛИ СУЩЕСТВУЕТ независимое подтверждение отдельных момен-тов рассказа Абдель-Карима, то имеются также и слабые места, кото-рые не дают возможности считать его высказывания окончательным до-казательством.

В первую очередь это то, что он когда-то был членом организа-ции фёдаинов. Семь лет назад он отбыл 20-месячное наказание за владение пистолетом. Его адвокат Фелиция Лангер, хотя и является

/...

еврейкой и бежала от "Окончательного решения еврейского вопроса", является также активной коммунисткой, которую израильское правительство периодически обвиняло в политических связях с врагами государства.

Во-вторых, медицинская экспертиза не является убедительной. Она основывается в конечном счете на оценках и показаниях директора больницы "Солт" доктора Ахмеда Хамзеха. Однако доктор Хамзех едва ли является нейтральным. В 1976 году израильцы выслали его с Западного берега. Его медицинское заключение также может быть поставлено под сомнение. Находя телесные повреждения Абдель-Карима "соответствующими" его рассказу о пытках, доктор Хамзех обращает особое внимание на его сломанные ребра. Еще в феврале 1976 года, как мы узнали, Абдель-Карим посетил ортопедическую больницу на горе Давида в Вифлееме, жалуясь на боли в спине и в грудной клетке. Больничные записи показывают, что рентгеноскопия, сделанная в то время, также указала на "очевидность наличия многочисленных переломов ребер". Медицинские эксперты в Лондоне заявляют, что даже если ребра Абдель-Карима позже были сломаны снова, доктор Хамзех по своим рентгеновским снимкам не смог бы отличить первые переломы от вторых.

Можно было бы заметить, что в стране, где открыто признаются политические свободы, политические убеждения Фелиции Лангер не должны были бы служить препятствием для дачи свидетельских показаний. Можно было бы также сказать, что, конечно, старые переломы больше подвержены получению новых повреждений от побоев. Однако сомнения остаются. И хотя мы могли подтвердить многое из рассказанного Абдель-Каримом и его женой, они расходятся во мнениях по поводу одной существенной подробности. Он сказал, что его жена была доставлена к нему в Хеврон около 25 октября - и подробности его показаний оставляют мало места для ошибки. Она же назвала ранее нам дату 15 октября.

ЭТИ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ И ОТРИЦАНИЯ в отношении доказательств являются типичными для обвинений о применении пыток; они показывают наличие постоянных трудностей при сборе доказательств. Однако в случае с Абдель-Каримом одно косвенное доказательство дает явные основания предположить, что с ним действительно произошло что-то такое, что израильцы хотели бы скрыть. Это исходит от самих же израильцев.

В тот день, когда он был переправлен через Иордан и попал в больницу "Солт", доктор Хамзех связался с корреспондентами агентства Рейтер и рассказал о состоянии Абдель-Карима. Корреспондент агентства Рейтер в Израиле направил военным властям Западного берега запрос, требуя разъяснений.

/...

Ему сказали, что Абдель-Карим является осужденным арабским партизаном и диверсантом, который заболел в тюрьме после отбытия трех лет из своего 11-летнего срока. Он попросил израильтян разрешить ему выехать в Иорданию для лечения, и они дали согласие.

Это сообщение является ложью. Медицинские записи в Вифлееме показывают, как мы уже говорили, что в феврале 1976 года - за год до своего освобождения и появления по ту сторону моста Алленби - Абдель-Карим в качестве свободного человека посетил ортопедическую больницу в Вифлееме и до того, как его арестовали, посетил ее еще несколько раз в качестве амбулаторного пациента. Мэр Ханнаналь-Атраш подтверждает, что арест состоялся в октябре 1976 года. И наконец, мы воспроизводим (стр. 17) фотографию Абдель-Карима и его жены, сделанную на 13-ю годовщину со дня их свадьбы. Она сделана в студии "Фотодавид" в Вифлееме весной 1976 года. В студии помнят, как их снимали. Вероятность ошибки при опознании личности можно исключить. Весьма мало таких осужденных "партизан и диверсентов", заболевших, отбыв половину срока, которые переправляются через мост Алленби. Военные власти также не проявили никаких признаков сомнений. Однако дело не в том, что их ложь может быть доказана. Беспокойство вызывает то, что солгавший офицер должен был либо иметь санкции на это от своего начальства, либо, если он лгал по своей собственной инициативе, знать, что он не будет наказан, если его начальство об этом узнает. Другими словами, чтобы ни произошло с Абдель-Каримом - это было частью официально санкционированной системы.

Суд мировой общественности

В ТОТ ДЕНЬ, когда Организация Объединенных Наций проголосовала в ноябре 1947 года за создание государства Израиль, Хаим Вейцман, первый президент Израиля, и для многих его отец-создатель, писал: "Я уверен, что мир будет судить о еврейском государстве по тому, как оно поступит с арабами". Дилемма, которая заключена в его про-рочестве, непосредственно относится к исследуемому нами положению.

Израиль является еврейским государством и по определению должен таким же оставаться. Однако под его господством находятся 1,7 млн. арабов, из которых 1,2 млн. в течение 10 лет находятся под военной оккупацией.

Причины, по которым Израиль начиная с 1948 года постоянно расширяет свое господство над арабами и их землей, уходят корнями в неопределенное прошлое причин и следствий, обвинений и контр-обвинений, которые составляют современную историю Ближнего Востока. Это выходит за пределы нашего расследования. Факт состоит в том, что большинство израильтян не видят другого выбора, кроме продолже-ния военной оккупации; в то же время некоторые израильтяне активно хотят этого, основываясь на исторических правах евреев на эту землю.

Поскольку Израиль зависит в такой степени от того, что Вейцман назвал судом мировой общественности, он должен пытаться обеспечить, чтобы этот суд вынес благоприятное решение. Конфликт между этой международной необходимостью и внутренней реальностью военного управ-ления и арабского сопротивления, проявляющегося иногда в виде тер-роризма, кажется нам наиболее конкретным объяснением того, почему пытки, по всей видимости, в Израиле стали принятой практикой.

Существуют, конечно, многие, кто с горячностью отклонит наши доказательства как буквально невозможные. Еще большее число людей найдет в идее преследуемой расы, становящейся в свою очередь пресле-дователем, парадокс столь неприятный, что потребуют более веских доказательств, чем, возможно, это было бы необходимо в отношении других стран. Другие укажут на то, что Израиль заявляет - и не-сомненно искренне так считает - что он должен вести войну за сущест-вование; и что в области гражданских свобод история арабов являет-ся, мягко говоря, бедной.

Дело, конечно, в том, что сам Израиль теоретически не признает невысказанные последствия их аргументов.

Израиль не допускает, что пытки оправданы его положением. Он отрицает, что пытки когда-либо использовались. Точно так же

/...

Израиль не оправдывает нарушение гражданских прав сравнением с недостатками у арабов. Наоборот, основополагающим в системе ценностей Израиля и в его претензиях на международную поддержку является то, что он — часть Запада, и таким образом о нем должны судить в соответствии с западными стандартами. Израиль заявляет, что "факт, — по словам израильского официального наблюдателя в Комиссии Организации Объединенных Наций по правам человека, произнесенными им на заседании Комиссии в марте 1973 года, — что права человека гражданского населения на оккупированных территориях и в прошлом и в настоящем полностью соблюдаются и охраняются. ... Реальностью является открытое, спокойное и ненапряженное общество".

После десяти лет военной оккупации Израиль счел возможным заявить в своем официальном справочнике:

"Сегодня управляемые районы являются спокойными и процветающими ... Арабы и израильтяне, которые до 1967 года жили во взаимном разделении и отчужденности, сегодня начинают пользоваться плодами мирного и плодотворного сосуществования".

Поскольку наш тезис состоит именно в том, что международная необходимость поддержать эту позицию никоим образом не может объяснить использование пыток, то необходимо начать с краткого пояснения к ответу Израиля по проблемам "сосуществования":

НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ реакция палестинцев на израильскую оккупацию прошла через три стадии. Первая стадия: активное сопротивление с середины 1967 года до конца 1969 года. К концу 1969 года налеты на пограничные поселения почти прекратились.

Вторая стадия с середины 1970 года характеризовалась относительным спокойствием. После разгрома палестинцев в период "черного сентября" в Иордании и смерти президента Насера сторонники активных мер обратили свои взоры за границу: например, на Олимпийские игры в сентябре 1972 года в Мюнхене.

Третья стадия отмечена израильским налетом на Бейрут в апреле 1973 года, когда Израиль захватил тысячи документов. На основе этих документов на Западном берегу, главным образом в Галилее, в рамках старых границ Израиля прошла новая волна арестов подозреваемых активистов-фedayнов или симпатизирующих им. Вызванные этими арестами волнения — главным образом в виде гражданских беспорядков и демонстраций учащихся средних школ — то усиливались, то уменьшались, однако никогда полностью не затихали. Продолжение создания Израилем поселений на Западном берегу и самоубийственные налеты палестинцев, подобно налетам на Кирьят-Шемона, Маалот и Бейт-Шеан, все более ухудшали отношения между двумя общинами.

В Газе события развивались по-иному. Имея 300 000 беженцев, до отказа заполнивших лагеря, наряду со 100 000 коренных жителей Газы, этот район является одним из наиболее перенаселенных в мире и представляет отличные возможности для партизан. Активное сопротивление продолжалось там до середины 1971 года, когда оно выродилось в гражданскую мини-войну между соперничающими палестинскими фракциями. Израиль проложил бульдозерами широкие дороги через лагеря в качестве первого шага к их умиротворению и контролю над ними. К середине 1972 года фёдаины были разгромлены.

Израиль никогда не отрицал, что его борьба против палестинского сопротивления включала крутые меры. Он сносил дома (16 212 между июлем 1967 года и августом 1971 года в соответствии с независимо проводившимся учетом) и высылал "известных агентов, занимающихся подрывной деятельностью" (начиная с 1967 года 1 130 человек были высланы в Иорданию, согласно отчетам иорданской полиции. Однако он подчеркивает тот факт, что арабы могут свободно проводить муниципальные выборы и их уровень жизни выше, чем у арабов в Египте, Сирии и Ливане, а также, что он использует карательные меры с определенными ограничениями.

НА ЭТОМ фоне перед Израилем стоит наиболее серьезная для любой оккупирующей державы проблема - как поступать со сторонниками сопротивления и террористами. В 1976 году было объявлено о разгроме 91 диверсионной группы и аресте 807 человек, связанных с ними.

Еще до своей победы в 1967 году Израиль разработал административную структуру для территорий, которые должны были подвергаться оккупации, и систему военных судов. Однако массовые аресты конца 1967 года и начала 1968 года затопили эту систему. Столкнувшись с подобными проблемами в период мандата, англичане прибегли к созданию лагерей для интернированных - одного возле Тель-Авива, другого в пустыне недалеко от Газы. (И арабы, и евреи называют их "концентрационными лагерями"; условия действительно были ужасными.)

Идея о возрождении евреями, первыми из всех народов, "концентрационных лагерей" была отклонена во время бурных прений в израильском парламенте. Другой альтернативы переполнению тюрем Израиля и оккупированных территорий задержанными не было. В последующие месяцы после войны 1967 года число содержащихся без суда и следствия превысило 2 000. К началу 1970 года это число еще было равно 1 923.

Однако мало-помалу военные суды начинали брать инициативу в свои руки. Постепенно почти все арабы, захваченные в результате новых массовых облав, - и большинство из тех, которые были задержаны

40 человек. День за днем других, большинство из которых было арестовано той же ночью, что и он сам, вызывали на допрос. Через шесть, семь или иногда 15 дней они возвращались "в очень плохом состоянии", - говорит он. "Их били. Вы могли бы увидеть следы побоев на их лице и груди". Странно, по-видимому, они между собой разговаривали очень мало. Только 12 июня, через 51 день после ареста, настала очередь Харба.

Ему снова завязали глаза и заставили лечь ничком, как он считает, в джип, а затем два или три часа везли. Когда джип наконец остановился и Харб вышел из него все еще с завязанными глазами, ему на голову одели тяжелый полотняный мешок. После 30 или возможно 40 минут неподвижного стояния с поднятыми руками - "в тяжелом состоянии человек возможно считает, что прошло больше времени, чем это было на самом деле", - добавляет осторожно Харб - его провели в комнату и сняли мешок и повязку. Человек в гражданской одежде обратился к нему по-арабски.

"Знаете ли вы, где вы находитесь?"

"Нет", - сказал Харб.

"Вы в Каср эль-Нихайе".

Так называется тюрьма в Багдаде, столице Ирака, знаменитая своими пытками и тайными казнями. Харб знал, что он не в Ираке, однако он знал также, что означает Каср эль-Нихайе - дворец смерти. И он знал, что подразумевал тот, кто его допрашивал.

Харб узнал, что он был арестован в связи с тем, что его, как коммуниста, подозревали в соучастии в вооруженном сопротивлении на Западном берегу. Он вступил в коммунистическую партию, когда был школьником в Рамаллахе, являвшемся тогда частью Иордании. Иорданское правительство запретило партию, и в 1957 году Харб был арестован. Ему было 17 лет. Вместе с другими членами партии он провел следующие восемь лет в тюрьме. Наконец, в результате амнистии он был освобожден, и в период войны 1967 года Харб изучал экономику в Московском университете. В 1972 году он возвратился в Рамаллах и работал в арабской газете "Эль-Фаджр", издаваемой в Иерусалиме. Он писал и выступал против израильской оккупации.

Эта деятельность могла раздражать израильтян, однако ни один из ее видов не был незаконным. Как сказал израильский посол Якоб Дорон: "Никто не содержится в тюрьме за свои политические убеждения". Израиль позволяет коммунистам участвовать в выборах в самом Израиле.

Однако на Западном берегу все политические партии и их деятельность запрещены, а известные коммунисты взяты под наблюдение. Это особенно стало проявляться после 1973 года, когда коммунисты Западного берега и Организация освобождения Палестины решили образовать союз, который они называли Палестинским национальным фронтом. Поскольку Израиль рассматривает ООП как чисто террористическую организацию, он вскоре стал смотреть и на Фронт под тем же углом зрения. В ночь 21 на 22 апреля 1974 года израильтяне нанесли удар Фронту. Харб был арестован.

Впоследствии в Организации Объединенных Наций посол Дорон сказал, что Израиль "арестовывал только тех, против кого существовали явные улики в совершении преступления". Однако большинству из тех, кто был арестован во время этих массовых арестов, никогда не предъявлялось никакого обвинения. Мы знаем это от девяти человек — один из них Харб, и восемь других открыто признали себя коммунистами, — которых явно доставили в израильский "дворец смерти". Трое были высланы в Иорданию в 1975 году; еще двоим разрешили вернуться в свои дома на Западном берегу в 1976 году; Харб и другие были освобождены в этом году; двое еще остаются в тюрьме. Никого не судили, не говоря уже о признании виновным.

Это разумеется не доказывает, что никто не совершал нарушений. Приводят слова секретаря Иорданской коммунистической партии о том, что его товарищи на Западном берегу действительно были активными. Однако факт состоит в том, что Харб отрицает свою причастность к любой преступной деятельности, и никаких доказательств, подтверждающих это никогда не было предъявлено.

Это необходимо сказать только потому, что посол Дорон отверг утверждения, которые якобы ведут к "попытке возбудить общественное мнение и скрыть совершенные преступления". Поэтому он использует тезис о недоказанных преступлениях, с тем чтобы отмахнуться от обвинений в применении пыток.

Остается открытым главный вопрос: если Харб и его товарищи были виновны, то как с ними обращались в израильском "дворце смерти?"

Испытания в "шкафу"

По словам Харба, его первая встреча с допрашивающим закончилась внезапно. "Мы знаем, что ты сопротивляешься властям; расскажи все, что знаешь", — сказал допрашивающий. Харб ответил, что у него нет никакой информации. "Хорошо, — сказал допрашивающий, — значит, ты не хочешь говорить". Он дал знак охранникам, на которых была солдатская форма. "Уведите его", — сказал он.

В другой комнате Харба заставили раздеться, затем его одели в комбинезон военного типа и сфотографировали. После этого его опять привели к следователю. В последующие 16 дней ему много раз приходилось видаться с ним.

"Он был коренастый и с довольно темной кожей, но не черный. У него были черные волосы, усов не было. Волосы были чуть-чуть волнистые. Я не помню, был ли в волосах пробор". По мнению Харба, его рост равнялся примерно 170 см или 5 футам 7 дюймам и ему было от 32 до 40 лет. "Он говорил по-арабски с сирийским акцентом". Харб вспоминает, что он всегда носил гражданские брюки и рубашку с короткими рукавами.

Первое избивание началось сразу же. "Он сидел за столом, я сидел на скамейке, и он начал избивать меня. 15 минут, 20 минут он бил меня рукой по лицу", — говорит Харб. (И опять Харб предупреждает, что он может неправильно указывать время.) Он задавал один и тот же вопрос: "Ты будешь говорить?". Харб отвечал, что ему не о чем говорить.

В конце этой первой встречи Харба, которому на голову опять надели мешок, увели. С него сняли наручники, затем сняли комбинезон, а потом ему опять завязали руки за спиной и абсолютно голого, помимо мешка на голове, втокнули в какое-то маленькое помещение. Дверь закрылась. Несмотря на два отверстия для воздуха в мешке, Харб боялся, что он задохнется, и поэтому, прислонившись головой к стене, он стащил мешок. Он увидел, что он находится в маленькой камере без окон, в которую свет проникал только через щель под дверью.

"Мне напомнило это шкаф", — сказал он. По его мнению, это помещение было квадратным со стороной не более 60 см (2 фута) и высотой не более 150 см (5 футов). "Во мне 178 см, и я не мог в нем стоять". Так же нельзя было и сесть.

Однако самым необычным был пол. Он был бетонным, и в нем близко, но не на одинаковом расстоянии друг от друга были вделаны каменные шипы. "Они были остроконечными и с острыми гранями. Они были примерно полтора или два см высотой. Я не мог на них нормально стоять. Стоять было трудно и больно. Я стоял на одной ноге, подняв вторую ногу, затем, когда первая нога уставала, я менял ее и т.д."

/...

По мнению Харба, он провел в этом "шкафу" три-четыре часа в первый раз, хотя он предупреждает, что, может быть, он преувеличивает время. Однако, когда его вывели из этого места, легче не стало.

Дверь открылась. Солдат снял наручники Харба, с тем чтобы он мог одеться, затем связал его руки впереди. Поскольку Харб стащил свой мешок, его несколько раз ударили и опять завязали ему глаза, на этот раз "какими-то очками, сделанными из черного материала". А сверху надели мешок. Затем Харба вывели на открытый двор, как ему показалось, для дальнейшего допроса.

"Там было три или четыре человека. Я судил об этом по их голосам. Они избили меня и затем они сказали: "А сейчас опустишься на четвереньки". Двор был усыпан маленькими камнями, и по ним было очень больно ползти на четвереньках". (Особенно больно для Харба, поскольку у него деформированы кости, выступающие на коленях.)

"Это продолжалось около часа. Я полз на четвереньках по земле, а они избивали меня и пинали меня ногами. Я полз по земле, а они ездили на мне, оседлав меня, как лошадь".

Когда Харба, наконец, опять привели к его следователю, этот человек сказал: "А сейчас посмотри на себя". Затем он несколько раз ударил Харба и одновременно с этим он и второй следователь задавали вопросы.

"Они говорили: "Ты знаешь этого человека, этого человека..." и т.д. и называли их имена. Я говорил, что я их не знаю... Один из них сказал, что меня обвиняют в военных преступлениях, и я ответил им: "Нет, нет". Он сказал: "Мы знаем, что ты активно занимаешься этими делами", и я сказал: "Хорошо, если вы знаете, что я этим занимаюсь, покажите мне какие-нибудь доказательства. Я знаю, что это неправда. Если у вас есть какие-либо доказательства, покажите их мне". Он сказал: "Мы знаем, мы знаем", - и продолжал избивать меня".

Это происходило в первый день. В конечном счете, по словам Харба, его заперли в камере и позволили поспать. Утром все началось снова, и так продолжалось почти без изменений на протяжении четырех следующих дней. "Шкаф", двор, допрос, камера - хотя не всегда разрешали отдыхать. Это истязание могло начаться в любое время дня и ночи.

Иногда во время избивания во дворе Харба раздевали. "Они выносили меня наружу, раздевали меня, и там было четыре или пять человек. Потом один из них ударит меня ногой, другой схватит меня

и ударит так, чтобы я попал к первому, и таким образом они гоняли меня ударами, как мяч. После этого они заставляли меня ползать на четвереньках. Я все еще был раздетым. Кто-нибудь садился мне на спину, и все они смеялись".

В другой раз Харба заставили, как ни странно, на коленях забраться в собачью конуру размером не более 2 футов. Собаки в ней не было, однако Харб слышал, как она воет где-то поблизости.

Харб также слышал других заключенных. "Однажды, в самом начале, они меня бросили в шкаф ночью... часов в 9 или 12. Затем меня вывели наружу, и я услышал какие-то голоса, крики боли, плач, мольбы. "О, моя голова". "О, мой живот". "Вы убиваете меня". Я, конечно, не мог видеть, кто были эти люди, однако я слышал их стоны".

Несомненно, этот центр имел достаточное количество людей для того, чтобы обрабатывать более чем одного заключенного. В период с 12 по 16 июня, т.е. за 5 дней интенсивного допроса, Харба допрашивали шесть или семь различных людей, все в гражданской одежде. Среди них не всегда был "сириец". Они не всегда прибегали к насилию, хотя оно было всегда жестоким, когда его использовали. Однажды, по словам Харба, его избивали по ногам дубинкой.

После этих пяти дней, однако, обращение с ним стало мягче. Его допрашивали еще 12 дней, но эти допросы были более мягкими и непоследовательными, и его уже не бросали в "шкаф" и не выводили во двор. "Я не знаю, убедил ли их в том, что я не имею никакого отношения к военным преступлениям", — говорит Харб.

По предположению Харба, 28 июня его, все еще с завязанными глазами, отвезли из этого центра в тюрьму Ягур вблизи Хайфы в северной части Израиля. Вместе с ним ехало пять или шесть других заключенных. В Ягуре Харб находился под заключением вплоть до того, как его освободили в январе этого года.

Израиль отрицает, что Харба подвергали пыткам. С самым подробным опровержением выступил посол Дорон в его выступлении в Организации Объединенных Наций в ноябре прошлого года после доклада Специального комитета Организации Объединенных Наций по вопросу об оккупированных территориях, в котором, в частности, упоминалось дело Харба.

Юрист Фелиция Лангер довела несколько из этих дел до сведения Организации Объединенных Наций, и поэтому Дорон прежде всего подверг сомнению ее беспристрастность как "члена политбюро промосковской коммунистической партии" и "активного пропагандиста антигосударственных идей, направленных на клевету и диффамацию Израиля".

Харб, по словам Дорона, был задержан с целью расследования его "подрывной деятельности, связанной с террористической организацией". Как только стали известны предъявленные им обвинения в пытках, он был осмотрен двумя врачами, которые "нашли, что он был в полном здравии". Арабская делегация из его родного города Рамаллаха также имела возможность посетить его и, по словам Дорона, "также была удовлетворена тем, что с ним обращались вполне нормально". Что касается сущности обвинений Харба, то Дорон сказал, что после "беспристрастных расследований", организованных самими израильскими властями, он может заявить, что к Харбу не применялось никаких пыток. "Никого не держат в тюрьме с завязанными глазами и связанным".

Другие стороны, связанные с этими расследованиями, говорят о другом. Только примерно через день после того, как Харба перевели из центра допросов, его жена Афаф посетила его в тюрьме Ягур. Она, по ее словам, была в ужасе: "Он выглядел ужасно. Он был бледным и истощенным, и он сильно похудел".

Ее рассказ о том, что она видела и что ее муж рассказал ей, вызвал беспокойство в Рамаллахе. Семья Харба пользуется известностью в этом месте; сам Харб заслужил авторитет своими публикациями и выступлениями. Ввиду этого израильский военный губернатор Рамаллаха приказал перевести Харба из Ягура в местную тюрьму.

После прибытия Харба сюда его обследовали два израильских врача, причем, по словам Харба, обследовали поверхностно. С ним также встретился делегат Международного комитета Красного Креста, которому он предоставил официальную жалобу в отношении пыток. И, по словам Дорона, ему было разрешено встретиться с местными представителями: заместителем мэра Рамаллаха и его собственным братом.

Мы говорили с ними обоими. Вопреки словам Дорона, они оба считают, что Харба в действительности пытали. Его брат говорит, что Харб выглядел больным, сильно похудел и имел признаки пыток, включая шрамы. Заместитель мэра, юрист по имени Альфред Кисек, вспоминает: "Он сказал, что его пытали. Он выглядел не так плохо, как я слышал, однако, он выглядел больным, и мы полагали, что с ним обращались жестоко".

Что же это за "беспристрастное расследование" этого дела, проведенное Израилем? В начале июля, когда усиливалось беспокойство в связи с обвинениями, выдвинутыми женой Харба, министр полиции Шломо Хиллель объявил о проведении расследования под контролем полицейского офицера. Харба привезли в полицейский участок Рамаллаха для допроса. По его словам, этот допрос был поверхностным. В составленном заявлении было не более 500 слов. (С другой стороны, запись нашего подробного допроса Харба составляет более 11 000 слов.) Полицейский также допросил шесть других жалобщиков, названных г-жой Лангер. В начале августа он представил свой доклад. Он отверг все обвинения.

/...

Лангер продолжала бороться. С помощью другого юриста, Валида Фахума, она представила жалобу в Верховный суд в Тель-Авиве в отношении того, что расследование было недостаточным и что министр Хиллель был виновным в силу своего положения. В связи с этим практически суд мог лишь рассмотреть узкий процедурный вопрос. Однако юристы, разумеется, надеялись, что суд рассмотрит более широкий вопрос о самих обвинениях. Этим суд должным образом и занялся.

Однако его работа имела настолько странный характер, что его выводы должны подвергаться, по меньшей мере, самым сильным сомнениям. Не был вызван ни один свидетель. Не было заслушано ни одного полного заявления. Суд заявил, что он ограничивается "выбором между противоречивыми обвинениями заключенных и следователей, как они представлены в письменном виде". В силу результатов медицинского обследования, которое "не выявило никаких признаков преднамеренно нанесенных увечий", суд предпочел верить следователям. 18 декабря жалоба против Хиллеля была отвергнута.

* *

Система пыток

Обвинения 44 палестинцев, которые заявили нам, что они подверглись жестокому обращению или пыткам, касаются всех шести главных следственных центров Израиля, показанных на карте. Вырисовывается некая общая система: 19 заключенных заявили нам, например, что их били по половым органам или издевались каким-либо иным образом. Однако из этих рассказов можно было также установить некоторые пристрастия следователей в различных центрах (и это подтверждается изучением примерно 50 заявлений из других источников).

В "русском лагере" в Иерусалиме следователи предпочитают истязать половые органы, а также подвергать испытанию на выносливость, например, держать стул на вытянутых руках или стоять на одной ноге. В военном центре, известном под именем Сарафанд, предпочитают завязывать глаза заключенным на длительное время, угрожать им или травить их собаками, а также подвешивать их за кисти рук. Из Рамаллаха поступают многочисленные обвинения в том, что заключенных опускают в холодную воду на длительное время — либо в душе, либо в бассейне в центре тюремного двора. С другой стороны, Рамаллах был практически единственным центром, в отношении которого не было предъявлено никаких обвинений в пытках электрическим током. В отношении Хеврона высказано несколько обвинений, аналогичных заявлению Омара Абдель-Карима, с которого начинается наш документ, в отношении истязаний заднепроходного отверстия.

/...

Арабы, назвавшие свои имена

Группа "Инсайт" беседовала с 44 палестинцами, которые предъявили обвинения в жестоком обращении или пытках со стороны сил безопасности Израиля. Из этого числа 22 человека, которые все еще живут под израильской юрисдикцией, согласились назвать свои имена. К ним относятся: Гассан Харб из Рамаллаха; Мохаммед абу-Габлир из Восточного Иерусалима; Джамаль Фрейтах из Наблуса; Калдун Абдул Хак из Наблуса; Махмуд эль-Муграби из Старого города в Иерусалиме (после беседы с ним его вновь арестовали, и в настоящее время он отбывает шестимесячный срок в тюрьме Димун в Израиле); Хасан Хаммад из Старого города в Иерусалиме; Ешак Хлефави из Восточного Иерусалима; Самир Эдкейдек из Восточного Иерусалима; Омар Саламех Абдель Карим из Бейт-Сахура вблизи Вифлеема; Йосеве Одех и ее дочь Лейла из Иерихона; Джамиль абу-Габийр из Восточного Иерусалима; Фавзи Абдель-Вахед Нийим из лагеря беженцев эль-Мугази вблизи Газы; Зудхир аль-Дибби из Наблуса; Наблан Крейши, студент в колледже Бир-Зейт вблизи Рамаллаха; Шехадех Абдель Хадж-Мохаммед Шалалдех из Рамаллаха; Исам Атиф аль-Хамури из Хеврона; Абед аль-Карин Таха аль-Шаллуди, студент в профессиональном центре Бапор в Каландии; Асад Синократ, студент в колледже Бир-Зейт; Мисиф Сулейман Атраш абу-Атван из Дуры; Найфа Ававдех из Дуры; Файез Тутуньи из Старого города в Иерусалиме.

Три других палестинца, которые, хотя и не обвиняли в том, что их подвергали пыткам, дали показания, также согласились назвать свои имена: Хассан эль-Муграби (отец Махмуда эль-Муграби) из Старого города в Иерусалиме; Таха Массалха, студент Еврейского университета в Западном Иерусалиме; Халиль Расмави из Бейт-Сахура вблизи Вифлеема.

Четыре случая в поддержку

НАМ ИЗВЕСТНО, как мы уже говорили, о еще восьми палестинских арабах, которые, по-видимому, находились в специальном следственном центре примерно в то же время, что и Харб. Двое из них все еще содержатся под стражей, однако из шести освобожденных нам удалось отыскать четырех и поговорить с ними:

Мохаммед абу-Габийр
Джамаль Фрейтах
Калдун Абдул Хак
Хусни Хаддад.

Только Хаддад жил в эмиграции в Иордании. (Он умер в Аммане в мае этого года, но у нас сохранилась звукозапись нашего разговора с ним.) Трое других все еще живут, как и Харб, на Западном берегу. Ни одному из них не было предъявлено никаких обвинений.

Учитывая сказанное ими, важно установить, не могли ли эти четверо и Харб стовориться о том, что говорить.

Харб и трое из этой группы, несомненно, находились одновременно в течение нескольких дней в Ягуре сразу после допроса. Затем их разъединили, и только двое из них отбывали срок в той же тюрьме (Хак и Фрейтах в Наблусе). Хаддад не был с другими в Ягуре, но он видел Харба несколько дней в Рамаллахе, куда его привезли для допроса с тем, чтобы продлить его срок заключения.

Это теоретически позволяет предполагать, что пять человек могли стовориться и выдумать эту историю. Однако выдумать все это и затем передать Хаддаду они могли только в течение тех нескольких дней, которые они провели в Ягуре. Кроме того, есть еще два момента: во-первых, после депортации в Иорданию Хаддад не мог встретиться с другими; во-вторых, сначала мы говорили с теми двумя из них — Хак и Габийром, — кто все еще находился на Западном берегу, без какого-либо предварительного предупреждения и до того, как остальные двое, Харб и Фрейтах, были освобождены. Мы беседовали с ними лишь через несколько дней после их освобождения.

По нашему мнению, эти обстоятельства и множество подробных фактов, о которых люди добровольно рассказали через тридцать месяцев после того, что с ними произошло, доказывают скорее то, что они говорят правду, а не давно выдуманную историю.

Вот, что рассказали эти четверо.

Мохаммеду абу-Габийру, сапожнику из Иерусалима, следственный центр помнится как "военный лагерь", в котором охранники носили "солдатскую форму". Его, как и других, раздели догола, сфотографировали и выдали комбинезон защитного цвета, после чего, по его

словам, на его голову надели "черный мешок из очень плотного сукна" с двумя отверстиями наверху для воздуха. Этот мешок полагалось носить постоянно, его снимали только в тюремной камере и во время допроса. Как и Харб, он помнит "каменный двор" и присутствие собак.

Когда мы попросили Харба указать примерный план и размеры центра, он сказал, что затрудняется сделать это, так как у него было такое чувство, что его водили все время по кругу. Когда мы задали Габийру тот же вопрос, он ответил. "Я не могу сказать. Дело в том, что они всегда водили меня кругами".

Джамаль Фрейтах, чернорабочий из Наблуса, тоже рассказывал о "тюремной форме" и о "мешке из черного сукна", который надевали ему на голову. Он рассказал, что его заставили голым ползать на четвереньках по гравию, причем во время этой пытки под мешком ему завязали глаза еще и повязкой.

По крайней мере раз в день его сажали в так называемый "холодильник". "Это была камера размером примерно 60 на 60 сантиметров и 160 см высоты. Бетонный пол в этой камере выглядел так, как будто он был утыкан невысокими шипами с очень острыми краями. Каждый такой выступ был подобен гвоздю".

Калдун Абдул Хак, партнер в одной строительной компании в Наблусе, тоже рассказывал, что его раздели догола, сфотографировали и выдали "комбинезон защитного цвета". Ему на голову надели "черный суконный мешок" с "двумя отверстиями наверху для воздуха". Он также рассказывал о дворе, - который он называл "местом на открытом воздухе", - где его подвешивали за руки на вбитом в стену крюке. Он помнит тесный шкаф, "пол которого был покрыт острыми камнями, вделанными в цемент".

Хусни Хаддад, который в момент его ареста был владельцем фабрики в Вифлееме, говорит, что ему выдали не комбинезон, а куртку и брюки защитного цвета. Но рассказ о "черном суконном мешке" с двумя отверстиями наверху остался неизменным. Он также помнит "нечто вроде сада, устланного гравием", по которому его однажды заставили ползти и при этом били ногами. Он также помнил камеру размером 50 на 50 сантиметров и 150 см. высоты, пол которой был покрыт шипами, напоминавшими "большой палец", но с заостренными краями.

Даже мелкие бытовые детали в рассказе Харба были подтверждены Хаддадом. И тот и другой сказали, что в первой для допросов комнате висели учебные плакаты с изображением различных видов оружия. Оба сказали, что какой-то странный звук нарушал их сон, Харбу казалось, что это "звуки работающих моторов".

Хаддаду казалось, что он слышал "какой-то шипящий звук, похожий на шум мотора или, может быть, какое-то жужжание". Пластмассовые тарелки, отсутствие вилок и ножей, пластмассовое туалетное ведро, отсутствие туалетной бумаги... и многие другие детали сходятся во всех пяти рассказах.

Имеются, однако, и расхождения. Хак, например, помнит, что двор был покрыт "землей" и что там не было ни камней, ни гравия. Рассказы расходятся также в том, что касается грубого обращения. Фрайтаха, например, якобы постоянно избивали и оскорбляли, а Габийро, по его словам, почти не трогали (это, возможно, объясняется тем, что Габийр был туберкулезным больным и в момент его ареста имел больной желудок).

Однако на фоне всех этих показаний в целом мы приходим к выводу о том, что имеются достаточно веские доказательства того, что в 1974 году в Израиле имелся следственный центр, который находился в ведении армии и в котором подозреваемым надевали на головы мешки, постоянно заковывали в наручники, лишали сна и других человеческих удобств и систематически подвергали телесным и умственным пыткам.

*
* *

Где все это происходит?

Где же находится этот следственный центр, этот "Дворец смерти"? Вероятнее всего, он находится за высоким проволочным ограждением, которое все туристы видят на последнем участке дороги из Иерусалима в Тель-Авив. Проволочное ограждение, военные контрольные пункты у двух входов и несколько низких неказистых строений вдали — это практически все, что можно видеть от крупнейшего армейского склада военного имущества и снабжения в Сарафанде, который занимает площадь не менее 10 квадратных миль. (Еврейский национальный фонд также использует часть центра в Сарафанде для хранения оборудования для строительства дорог в новых поселениях в Израиле и на оккупированных территориях.)

Сарафанд занимает важное место в палестинской демонологии, о чем свидетельствуют многочисленные заявления; большинство из тех, кто прошел через этот следственный центр, неизменно называют его Сарафандом. Но это всего лишь их предположение, как это будет видно ниже.

Тем не менее, имеются исторические причины, по которым их показания можно считать достоверными. Еще до второй мировой войны Сарафанд был построен как главный английский военный склад в Палестине. Когда англичанам потребовалось два лагеря, чтобы разместить в них арабов, задержанных во время беспорядков в конце 30-х годов, то один из них был построен в районе Сарафанда. (Другой был построен на Синайском полуострове.) Настолько много бывших английских зданий было занято и по сей день используется израильской администрацией, что, по-видимому, вполне логично было бы выбрать Сарафанд для устройства лагеря для нового поколения арабских заключенных.

По рассказам бывших заключенных, этот секретный новый следственный центр, который находится в ведении военных, начал функционировать после войны 1967 года. Но прошло еще около трех лет, прежде чем здания, которые раньше выглядели заброшенными, как будто ими некоторое время не пользовались, были отремонтированы. (Некоторые заключенные, которые побывали там по несколько раз, имели возможность наблюдать различные стадии обновления.)

О том, что они были в Сарафанде, с наибольшей уверенностью говорят ранние его "посетители". Однако все они, по-видимому, узнавали о том, что находятся в Сарафанде, от других заключенных. Только один заключенный утверждал, что он видел надпись "Тюрьма Сарафанд", но нам это кажется маловероятным.

В те годы не столь строго соблюдалось требование носить мешки, и нескольким заключенным удалось увидеть кое-что из окружающего. Один говорил об эвкалиптовом дереве. Но после 1970 года постоянное ношение мешков и изоляция исключили возможность даже таких мимолетных наблюдений.

Заключенные, конечно, могли слышать, и многие говорят о звуке пролетающих самолетов. Сарафанд находится в пяти милях от взлетно-посадочной полосы аэропорта Лод. Но одни говорят о тяжелых самолетах, пролетающих на небольшой высоте, что свидетельствует о близости аэропорта, а другие — о самолетах, пролетающих на большой высоте. (Поскольку их показания труднее предсказать, предпочтение отдается, по-видимому, тем свидетелям, которые говорят о самолетах, пролетающих на большой высоте.)

Израильцам настолько хорошо удалось изолировать людей, находившихся под следствием в период с 1970 по 1971 год, что фактически единственным доказательством того, что центр не был переведен в другое место, являются показания двух заключенных, которые побывали до и после этого периода, они с уверенностью утверждают, что оба раза они были в одном и том же месте.

Но когда мы попытались сравнить те немногие данные о характеристике местности, которые были получены раньше от других заключенных, с теми, которые дали Харб и другие арестованные в 1974 году, мы не смогли установить, относятся ли они к одному и тому же месту. Ни Харб, ни его товарищи не брались утверждать, что они находились именно в Сарафанде.

"Другие говорили, что это был Сарафанд, — вспоминал Харб, — но я не знаю". Судя по тому, что там было очень жарко, Харб склонен думать, что он находился где-то "в южной части Израиля". (Но он жил в прохладной холмистой местности, а вся прибрежная равнина Израиля отличается жаркой погодой в июне.) Хусни Хаддад согласен с Харбом. "Я был водителем и я знаю дороги", — утверждал он; ему казалось, что по дороге из его родного места в Вифлееме "джип" повернул к югу, не доехав до Сарафанда. Хаддад также сказал, что к концу его пребывания в центре ставни, закрывавшие снаружи окно его камеры, немного отвисли.

По его словам, он видел быстрое автомобильное движение по автостраде, проходившей на расстоянии 150 ярдов. Это примерно равняется расстоянию от дороги до видимых зданий в Сарафанде. Но Хаддаду казалось, что на многих автомашинах, которые он видел, были светло-серые номерные знаки, которые выдаются в Газе. Поэтому он думал, что центр находится где-то поблизости от полосы Газы.

Ограничения свободы действий Красного Креста

В свою защиту Израиль обычно ссылается на Международный комитет Красного Креста. Например, в ноябре прошлого года в Организации Объединенных Наций посол Дорон сказал: "Данные о каждом заключенном после его ареста направляются в Международный комитет Красного Креста". Тюремь этой категории, сказал он, "пользуются даже дополнительными привилегиями; например, разрешаются посещения представителей МККР... Когда они посещают тюрьму, им разрешается беседовать с каждым заключенным без свидетелей".

Посол Дорон не упомянул о двух важных обстоятельствах. Красный Крест действительно имеет возможность посещать тюрьмы на оккупированных территориях, начиная с 1968 года. (Израиль отрицает применимость Женевской конвенции и поэтому не признает никаких прав за Красным Крестом, но он разрешает ему посещать тюрьмы.) Однако на протяжении этих девяти лет израильские власти упорно запрещали Красному Кресту видаться с заключенными, находящимися под следствием. Дорон не сказал также того, что, как нам стало известно из достоверных источников, в течение последних девяти лет при посещении заключенных в тюрьмах представители Красного Креста постоянно слышали жалобы на грубое обращение и пытки. Красный Крест представил правительству Израиля сотни докладных записок по этому вопросу.

Международный комитет Красного Креста, конечно, завоевал себе право действовать, лишь пообещав правительствам хранить молчание. Его делегаты, все швейцарцы, обязуются никогда не говорить о своей работе. Однако из достоверных источников нам стало известно, с какими проблемами Красный Крест сталкивается в оккупированных территориях.

Красный Крест не сразу извещается об арестах. Часто с ним вступают в контакт либо семьи, либо адвокаты заключенных, которые обычно сами не знают, где содержатся заключенные. После этого Красный Крест немедленно принимает меры к тому, чтобы отыскать и связаться с заключенными, особенно если имеются основания подозревать, что они подвергаются грубому обращению. Но перед представителями Красного Креста встают три преграды.

Им открыт доступ только в тюрьмы, но не в полицейские участки или военные лагеря. Но даже и в тюрьмах они не пользуются неограниченным доступом. В каждой тюрьме, расположенной на оккупированных территориях, имеются тюремные камеры, которые Красному Кресту не разрешается видеть. Некоторые из них находятся не в самом тюремном комплексе, а рядом со зданием местного военного губернатора. В Наблусской тюрьме специальные камеры — которые там называют "камерами "Икс" — находятся на южной стороне, неподалеку от одиночных камер.

Эти камеры охраняются службой безопасности, и Красный Крест не имеет в них доступа.

Точно так же в течение первых восьми лет оккупации Красному Кресту не разрешалось посещать заключенных в следственном центре в Иерусалиме, известном под названием "Русского лагеря". Он не имеет доступа также в секретный следственный центр, в котором содержался Харб.

Кроме того, за 48 часов до посещения тюрьмы Красный Крест представляет тюремным властям список лиц, которых он особенно хочет повидать. Нередко случается, что когда представители Красного Креста прибывают, им сообщают, что тот или иной заключенный только что был переведен в другую тюрьму. Представители Красного Креста, посещающие эту тюрьму, немедленно заносят имя этого человека в свой список. Если им опять говорят, что заключенный был переведен — эту процедуру называют "бумажной игрой", — то их обеспокоенность неизбежно растет.

Таким образом, представителям Красного Креста удастся повидаться с заключенными только после длительных поисков и редко, или почти никогда, до того, как закончено следствие. Несколько очевидцев рассказали нам, что представители Красного Креста, наконец встретившись с ними, приветствовали их такими словами: "Где я вас только ни искал", — сказал один из них. "Теперь, когда я вас нашел, вы будете в безопасности", — сказал другой.

Как часто Красному Кресту приходится слышать утверждения о грубом обращении? Красный Крест, конечно, не скажет. Но у нас создалось такое впечатление, что, хотя о побоях говорят все, на более изощренные методы жестокого обращения жалуется только половина заключенных или менее того. Не все из них решаются представлять официальные жалобы.

Даже когда представляется официальная жалоба, которую Красный Крест затем без комментариев препровождает израильским властям, Красному Кресту в редких случаях официально сообщается о том, приняты ли какие-либо меры на основании этого, или даже о том, проводились ли расследования по этим жалобам. В течение полугодового периода представители Красного Креста замечают, что жалобы на определенный вид обращения поступают все реже, или узнают, что такой-то следователь был переведен. И это все.

Только летом 1969 года в течение пяти месяцев Красному Кресту удалось добиться от израильских властей разрешения для его представителей встретиться с некоторыми заключенными, находящимися под следствием, и то только в тюрьмах, но не в военных лагерях или полицейских участках. Но в дальнейшем израильские власти изменили свою позицию. Позднее Международный комитет Красного Креста сообщал: "Даже если его

представители считали, что условия следствия несколько изменились к лучшему, МККК полагал, что установленная теперь израильскими властями процедура посещения тюрем не позволяет ему принять какие бы то ни было меры для обеспечения того, чтобы методы допроса, противоречащие гуманитарным нормам, не практиковались".

Это было в сентябре 1970 года. Шесть лет спустя после того, как в израильских газетах появились сообщения о том, что Красный Крест удовлетворен условиями, Международный комитет Красного Креста выступил с еще одним из своих редких публичных заявлений. (Красный Крест делает это только тогда, когда считает, что его политикой сохранения тайны слишком злоупотребляют.) 12 января этого года Красный Крест заявил, что "до сих пор не решен ряд проблем, на которые неоднократно обращал внимание МККК". В этой связи он указал, что ему все еще не разрешают посещать заключенных, "находящихся под следствием".

* * *

Утверждение власти

ДОПРОС, разумеется, является только одной целью жестокого обращения или пытки. Жестокое обращение может также служить средством сдерживания мятежного населения. Для этого, однако, требуется известная степень открытой игры – почти явное утверждение власти. Этим, возможно, объясняется то, что происходит в "Русском лагере" в Иерусалиме.

"Русский лагерь", который занимает площадь в несколько акров в центре Иерусалима, как раз к северу от Старого города, называется так потому, что когда-то в прошлом он служил больницей для православных паломников. За его стенами теперь расположены тюрьма, ремонтная мастерская для полицейских автомашин, бензозаправочные колонки и два ряда одноэтажных барakov.

Наибольшая часть комплекса открыта для посетителей: в бараке № 2 выдаются водительские права и удостоверения личности. Однако в бараках № 4, 6 и 8 расположены иерусалимские отделения израильских гражданских служб безопасности; так, в бараке № 4 помещается секция, называемая Миотим, которая является департаментом по делам меньшинств. Ее начальником является иракский еврей по имени Наим Шабо.

В отличие от остальных захваченных территорий, восточная часть Иерусалима не только была оккупирована Израилем, но и, фактически, аннексирована к Израилю вместе с ее 90-тысячным непокорным арабским населением. Задача Миотима – следить за "подрывными элементами" среди этого населения.

15 декабря прошлого года, днем, в самом начале четвертого, Хедва Сарид вошла в барак № 4. Она работает секретаршей у адвоката Леи Тцемел, урожденной гражданки Израиля, с которой она должна была встретиться там. "Я искала секретаршу в приемной, но там никого не было. Затем я услышала, как кто-то крикнул, мне показалось, "Халам" [что по-арабски означает "немедленно"]. Дверь, ведущая в одно из помещений немного дальше по коридору, была приоткрыта, и я заглянула внутрь.

Там было несколько человек – пять, шесть или семь, окруживших кого-то, в ком я узнала одного из наших клиентов. Все они одновременно говорили ему что-то. Вдруг, посреди всего этого крика, один из них, мужчина с седыми волосами, ударил нашего клиента ногой прямо по половому органу. Тот вскрикнул и согнулся вдвое. Он держал руку у места, куда ему был нанесен удар, и плакал.

Я начала кричать на мужчин. Они оттолкнули меня и захлопнули дверь. Я увидела человека с седыми волосами и крикнула ему: "Я видела, как вы ударили этого юношу. Я требую номер вашего удостоверения личности; это незаконно".

/...

На это он сказал: "Я начальник этого отдела. Меня зовут На-им Шабо. Что вам здесь нужно?". Затем они ее вытолкнули.

Хедва Сарид не единственная из тех, кто, как они утверждают, были свидетелями насилия в "Русском лагере". Один из занимающихся благотворительной деятельностью американцев, которому часто по делам приходилось бывать в "Русском комплексе", помнит, что в прошлом году он видел человека, явно находившегося в невменяемом состоянии, которого вывели из барака № 4, подержали немного на свежем воздухе, затем снова ввели внутрь. В другой раз он видел, как по лагерю вели человека с окровавленным носом и ртом.

Клиентом адвоката Леи Тцемел, которого избивали на глазах Хедвы Сарид, был юноша по имени Махмуд эль-Муграби. Ему 16 лет, его уже десяток раз задерживали, и вообще его считают возмутителем спокойствия. Муграби подробно рассказал нам, как его били, пока появление Хедвы Сарид не прекратило побои. Его показания частично подтверждаются другими заключенными, хотя утверждения Муграби о том, что его пытали электрическим током, остаются невыясненными.

Муграби находится в числе 24 палестинцев, рассказавших нам о том, как их допрашивали в "Русском лагере", который арабы прозвали "Московия". Двадцать два палестинца заявили, что они подвергались там такому же жестокому обращению или хуже.

Как и обвинения, касающиеся тюрем в Рамаллахе и Хевроне или секретного следственного центра, показания относительно "Русского лагеря" неизменно указывают на определенные истязания, число которых ограничено и которые довольно характерны для этого места. Что касается "Русского лагеря", то в жалобах чаще всего говорится о истязании половых органов.

Девять из опрошенных нами лиц говорили о том, что по их половым органам наносили удары, что их сдавливали или выворачивали. По их словам, это обычно делалось сзади, пока они стояли лицом к стене, догола раздетые и с широко расставленными ногами.

Удивительно то, что Миотим даже не пытается скрыть, по крайней мере, эти наиболее распространенные формы насилия. В самом деле, он делает все, чтобы наглядно продемонстрировать свою власть над восточной частью Иерусалима. Хотя большинство из арестованных попадают в его руки во время ночных облав, многим просто направляется повестка с приказом явиться. В повестке говорится, что с ними желают побеседовать, но репутация Миотима среди палестинцев такова, что получившие такую повестку всегда ждут худшего.

/...

Большинство из тех, которые получают повестки о явке, считают, что бесцельно пытаться скрыться. Поэтому они являются по требованию, и зачастую они просто пропадают без вести. Семьи об этом не уведомляются.

Иначе говоря, пережитое Муграби является довольно типичным образцом того, что "возмутители спокойствия" могут ожидать от Миотима. Но "Русский лагерь", как и "Дворец смерти", выполняет также задачи ведения допроса и получения признаний. С теми, кого подозревают в том, что они знали или участвовали в более серьезных правонарушениях, обращаются, по-видимому, еще более жестоко.

Однако, оценивая эти утверждения, мы часто невольно пытались установить на основе длительных бесед то, что Движение за амнистию называет "достоверностью и побуждениями" свидетеля. Показания Иосифа Одеха, например, ужасны, хотя они отнюдь не единственные в своем роде. В основном они сходятся с другими показаниями, и в некоторых случаях были подтверждены дополнительными фактами. Но самым впечатляющим было то, каким образом Одох давал свои показания.

Обвинения Одеха начинаются с того, что в 1969 году его дочь Расмиях, которой тогда было 21 год, дважды была осуждена на пожизненное заключение за террористические акты, включая взрыв двух бомб, от которых погибло 14 человек.

Одох рассказал, что 28 февраля 1969 года, около часу ночи, израильские солдаты ворвались в его дом — тогда он жил в Раммалахе — и арестовали его и его трех дочерей — одну 23-летнюю, одну 17-летнюю и Расмиях. Их отвезли в "Русский лагерь".

Его показания подтверждают то, что было доказано вынесенными приговорами, а именно то, что израильские власти с самого начала были заинтересованы только в Расмиях. По словам Одеха, во время его 20-дневного пребывания в лагере следователи устроили несколько очных ставок между членами семьи, видимо, с целью воздействовать на них.

Однажды, по его словам, его держали в комнате в то время, когда в соседней комнате избивали Расмиях. "Когда они меня увели обратно, Расмиях не могла держаться на ногах. Она лежала на полу, и на ее платье были следы крови. Все ее лицо было в синяках, а один глаз весь распух. Затем ее подняли два солдата, я начал плакать и кричать, и тогда мне завязали глаза, а ее, я думаю, увели".

Рассказывая это, Одох сильно разволновался. Дыхание его участилось и мускулы на шее начали дергаться. Когда мы его спросили, когда он видел Расмиях после этого, он начал плакать. Наконец,

/...

он сказал нашему переводчику: "Я предпочел бы умереть, чем видеть это... Это вопрос чести... Переведите это, почему бы и нет? Что я могу еще сказать? Они держали ее и засовывали в нее палку".

Когда он снова был в состоянии говорить, он сказал, что его привели в комнату, где производился допрос, и он увидел Расмiah раздетой и с наручниками на руках. Один из следователей "потребовал, чтобы я имел с ней половое сношение, но я сказал: "И не думайте, я никогда этого не сделаю". Они били и меня и ее, и мы оба кричали. Расмiah по-прежнему повторяла: "Я ничего не знаю". Затем они раздвинули ее ноги и воткнули в нее палку. У нее текла кровь изо рта, с лица и из нижней части тела. Тогда я потерял сознание".

Движение за амнистию писало: "Важным элементом в определении реакции Движения на любые показания /о пытках/ является готовность правительства расследовать обвинения и наказать всех виновных".

Израиль обычно опровергает обвинения в жестокостях и пытках как простой вымысел. Некоторые, возможно даже многие, показания являются вымыслом, но мы думаем, отнюдь не все. Судя по этому критерию Движения за амнистию, опровержения Израиля не всегда убедительны. Мы уже говорили о том, как израильские власти реагируют на жалобы: адвокатам почти никогда не удается убедить суды принять жалобы к рассмотрению; проводятся так называемые "беспристрастные расследования", при которых судопроизводство не позволяет жалобщикам видеть в письменной форме официальные опровержения, не говоря уже о том, чтобы их обжаловать; в общем, вся судебная процедура относится с сомнениями и зачастую враждебно к попыткам выяснить истину.

х х
х

/...

Как Израиль объясняет свое поведение в
Организации Объединенных Наций

На международной арене Израиля могут служить заявления, с которыми посол Израиля Якоб Дорон выступил в ноябре прошлого года в Организации Объединенных Наций: "Моя страна может гордиться тем, что добросовестно соблюдает нормы права в районах, находящихся под ее управлением". "Израиль, - сказал он, - "придерживается либеральных и передовых взглядов и готов открыто признать любые ошибки, которые могли быть сделаны, и попытаться их исправить...".

Дорон признает, что ошибки были совершены: "Правда, что в одном или двух совершенно исключительных случаях к заключенным, к сожалению, была применена сила. Один из этих исключительных случаев, к несчастью, закончился смертью Ахмеда Шейха Дахдула...".

В марте 1976 года Дахдул был избит до смерти солдатами в военном грузовике по дороге в полицейский участок в Тулкарме, в 20 милях к северо-востоку от Тель-Авива. Дорон следующим образом суммировал происшедшее: "Нормы права строго соблюдаются израильскими властями и ... ни власти, ни суды не отдают никому предпочтение. Этот офицер был найден виновным и приговорен к длительному тюремному заключению".

Когда Дахдул умер, израильские власти объявили, что он умер от сердечного приступа. Это оспаривал лечивший его арабский врач. Несмотря на то, что вокруг этого случая поднялась большая шумиха, подлинные факты стали выясняться только четыре месяца спустя, когда власти неожиданно сообщили адвокату Дахдула, - его адвокатом была та же Фелиция Лангер, - что одному офицеру будут предъявлены обвинения.

Однако до сих пор нет никаких официальных подтверждений того, что над этим офицером состоялся суд. По-видимому, дело разбиралось в военном суде, к тому же при закрытых дверях. Г-же Лангер не разрешили послать наблюдателя, не говоря уже о ее личном участии. До сих пор не приняты никаких мер в отношении солдат, которые избивали Дахдула (хотя генеральный прокурор недавно объявил, что им будут предъявлены обвинения). Не были взяты также письменные показания у других арабских заключенных, которые находились в грузовике вместе с Дахдулом. Власти всего лишь объявили, что майора понизили в звании до рядового и приговорили к двухлетнему тюремному заключению. По сей день Израиль отказывается назвать имя этого бывшего майора или сказать, где он отбывает свое заключение.

В декабре прошлого года семье Дахдула, наконец, удалось добиться от Верховного суда разрешения получить протокол судопроизводства. Два месяца назад военный суд ответил, что он разрешит только г-же Лангер ознакомиться с копией протокола и то только в том случае, если она обещает не снимать с него фотокопию и ничего не писать о нем. Г-жа Лангер отказалась. Борьба за то, чтобы увидеть запись этого "откровенного признания" продолжается.

Продолжаются также обвинения.

* * *

Права на воспроизведение принадлежат издательству "Таймс Ньюспейперс Лимитед", 1977 год.

/...

В. Передовая статья из газеты "Санди Таймс"
от 19 июня 1977 года

Израиль и пытки: причины для беспокойства

В настоящем номере "Санди Таймс" несколько страниц посвящены итогам нашего расследования утверждений о жестоком обращении израильских властей с арабами на оккупированных территориях Израиля. Эта статья нуждается в особом разъяснении. Ее неприятно читать, и это понятно по причине характера данной темы. Она длинная, и это неизбежно, если мы хотим объективно изложить факты, а не ограничиться лишь опубликованием утверждений и опровержений.

Цель настоящей статьи - ознакомить читателей с материалами, на основе которых мы пришли к выводу о том, что Израиль скрывает тот факт, что арабские заключенные подвергаются жестокому обращению и пыткам, прежде чем предстать перед судом. Фактически, мы опубликовали лишь минимум того, что необходимо для этой цели. У нас имеется, в виде записи личных показаний очевидцев, в десять раз больше материалов, в той или иной степени достоверных.

На наш взгляд, этот вопрос заслуживает такого пристального внимания, поскольку уважение прав человека должно быть неделимым и поскольку Израиль занимает особое место в нашем мире. Сам Израиль основывал свои требования о государственности на правосудии, законности и справедливом обращении с арабами. Основой Израиля был идеализм, последовавший за периодом угнетения, и в этом кроется одно из эмоциональных препятствий: лишь немногие готовы поверить в то, что евреи, принадлежащие к древнейшей общине, которая на протяжении веков подвергалась преследованию, сами способны преследовать других. Именно поэтому крайне важно, чтобы обвинения, когда они предъявляются и становятся все более настойчивыми - в прошлом году их число увеличилось, - были приняты всерьез и подробно расследованы.

Подробные свидетельства, которые были собраны сотрудниками "Санди Таймс", будут предоставлены любому компетентному международному следовательскому органу - но только не такому нелепому органу, каким является Комиссия Организации Объединенных Наций по правам человека. Конечно, наилучшим результатом было бы покончить с практикой, которая будет описана ниже. Израильским властям известно, что мы намерены опубликовать результаты нашего расследования, однако мы не сообщили им никаких подробностей по трем причинам. Во-первых, большинство обвинений и так известны израильским властям и/или судам, которые отвергли их на основаниях, которые мы считаем неубедительными по причинам, изложенным ниже. Во-вторых, хотя несколько арабов согласились быть названными, другие согласятся назвать свои имена только международному трибуналу, а многие не рискуют сделать даже это.

/...

В-третьих, откровенно говоря, мы не готовы согласиться с простым новым заявлением о том, что все это - вымысел. На протяжении многих лет Израиль успешно отражал попытки извне расследовать этот вопрос, в частности обвинения в пытках. В этом ему играл на руку тот факт, что многие из тех, кто брался проводить расследования, явно были не-объективными и симпатизировали одной стороне; примером этого является Комиссия Организации Объединенных Наций по правам человека, которая постоянно нападает на Израиль и Южную Африку, но упорно молчит об Уганде.

Однако это свидетельствует лишь о предвзятости Комиссии; это, конечно, не означает, что все свидетельские показания, которые она заслушала, являются ложными. Израиль часто и с полным на то основанием жалуется на то, что в международных отношениях к нему применяют двойной стандарт. В некоторых случаях, как, например, в настоящем случае, он применяется в его пользу. Международные органы, которые с готовностью подхватывают утверждения о жестоком обращении с заключенными в странах Латинской Америки, Азии и Африки, неохотно делают это в отношении Израиля; то же самое можно сказать о печати, в особенности израильской печати.

В свободном обществе пресса является "предохранительным клапаном" для "излияния" недовольства и жалоб, но израильская печать, обычно очень энергичная и откровенная, не приняла вызова и не пожелала узнать, что же, собственно говоря, происходит в следственных центрах. До недавнего времени в газетах уделялось мало внимания Западному берегу и Газе (за исключением Хааретца) и редко упоминались обвинения в жестоком обращении, разве только для того, чтобы их опровергнуть. Поэтому военные власти на Западном берегу и в Газе пользуются полной свободой в обеспечении соблюдения законов в оккупированных районах.

Поведение Израиля в оккупированных районах заслуживает большего внимания, чем то, которое ему уделялось в последние десять лет, однако теперь это становится еще более важным. В Израиле новое правительство. Прежнее правительство, по крайней мере, допускало возможность того, что наиболее густонаселенные районы Западного берега когда-нибудь будут возвращены арабам в рамках мирного урегулирования проблемы, хотя оно и продолжало строительство еврейских поселений.

Ликуд - партия Менахена Бегина - не допускает такой возможности. Она принципиально ставит своей задачей сохранить власть Израиля над всем районом Западного берега и Газы, добавив еще один миллион арабов к тем полумиллионам арабов, которые уже являются израильскими гражданами. Г-н Бегин говорит, что они будут пользоваться равными правами с евреями, если они согласятся с положением меньшинства в еврейском государстве.

На эти обвинения, помимо неверия, несомненно, может быть дан двойной ответ. Во-первых, лишь немногие, а может и ни одна арабская страна не осталась бы незапятнанной в результате проведения аналогичного расследования методов, используемых их полицейскими и тюремными властями. Многие страны, в действительности, не выдержали бы организованную по западным нормам проверку цивилизованности. Во-вторых, внешний мир должен до некоторой степени осознать то, что Израиль считает себя осажденным и подвергающимся постоянным провокациям со стороны арабских террористов. В таких условиях скажут, что цель оправдывает средства: получить от подозреваемых признание, за которым следует приговор суда, настолько важно для искоренения терроризма, что эта цель ставится превыше всего, даже превыше человеческих ценностей.

На оба эти аргумента можно возразить. пытки заслуживают осуждения, где бы и кем бы они ни применялись. Но на оккупированных землях Израиля население зависит от международной защиты, и только соблюдение международных соглашений может помочь ему. Во-вторых, хотя Израиль и окружен врагами, в последние годы ему не приходилось бороться против широких внутренних беспорядков, подобно Ольстеру и Алжиру.

Однако аргумент в пользу пыток как средства держать население в подчинении не может быть принят странами с претензиями на западную цивилизацию, несмотря ни на какие провокации. пытки бесчеловечны. Они не достигают цели. Они лишь укрепляют решимость тех, кто считает себя угнетенным. Они деморализуют тех, кто их применяет; французы в Алжире поняли это. Но самое главное в том, что подобные оправдания не соответствуют моральным нормам самого Израиля. Г-н Бегин, который станет премьер-министром, в своей молодости сидел в тюрьме в России, во время британского правления английские власти его разыскивали, обещая денежную награду за его поимку, и в 40-х годах он писал обличительные статьи, осуждая используемые англичанами методы допроса и суда над его соратниками по подпольной организации "Иргун Цваи Леуми". Если только он не изменил свои убеждения, он едва ли может быть удовлетворен тем, что, начиная с 1967 года, Израиль применяет к арабским заключенным законы и постановления, которые действовали во времена британского мандата и которые он столь решительно осуждал.

Наконец, некоторые, конечно, скажут, что публикация сообщений о пытках и жестоком обращении равнозначна удару по самому существованию Израиля. Мы же придерживаемся иного мнения. Израиль должен жить в мире с арабами. Он как будто не замечает растущее чувство недовольства его продолжающейся оккупацией. Правда, оккупация дала арабам некоторые материальные преимущества, но лишение прав человека серьезно отравляет его отношения с народом, который он не только должен подавить сейчас, но и с которым, в конечном счете, он должен жить бок о бок. Справедливый мир в долгосрочной перспективе крайне важен для

Израиля, а для этого необходимо определенное доверие. пытки в Израиле (подобно терроризму палестинских экстремистов) подрывают доверие, препятствуют достижению мира и, в конечном счете, ухудшают перспективы дальнейшего существования Израиля.

Шесть лет назад мы опубликовали сообщение о допросах в Северной Ирландии, что повело к запрету этой практики английским правительством и к смягчению англо-ирландских отношений. Мы надеемся, что публикуемое нами сегодня сообщение заставит Израиль изменить свою политику оккупации и немного смягчит отношения между арабами и евреями.
